

НАТАЛЬЯ КАРПЕНКО

ПОДАРОК СТАРОЙ ВЕДЬМЫ

Наталья Карпенко

Подарок Старой Ведьмы

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Карпенко Н.

Подарок Старой Ведьмы / Н. Карпенко — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

Потомственная ведьма, чувствуя свою скорую кончину, выбирает парня и передает ему свой дар. Дар, возможности которого слишком разнообразны. Как он, обычный гражданин, студент филологического факультета, будет преодолевать все трудности, связанные с этим подарком судьбы? А может, это не подарок, а сущее проклятие?

© Карпенко Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	5
Глава первая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наталья Карпенко

ПОДАРОК СТАРОЙ ВЕДЬМЫ

Пролог

*Судьба способна очень быстро
Перевернуть нам жизнь до дна,
Но случай может высечь искру
Лишь из того, в ком есть она.*
И. Губерман.

Ранним утром наш сон не настолько крепок и безмятежен, как, скажем, пару часов назад. Возможно, потому, что в окружающей нас среде с приходом рассвета появляется множество различных звуков. Это мелодичный щебет птиц, дуновение ветра (хотя в ночи этот баловник тоже порой шумит, но зачастую под утро меняет направление, тем самым внося новшества в свою шелестящую песню), оживление на автострадах и многое другое.

Правда, в нынешнее время жители маленьких городков и крупнейших мегаполисов могут укрыться от внешних раздражителей за чудом прогресса – металлопластиковыми окнами, но...

* * *

Вскарабкавшись на подоконник, озорной солнечный зайчик не пожелал останавливаться на достигнутом и забрался в мою маленькую уютную спальню, оформленную в цветах клубники со сливками.

От мягкого одеяла сна практически ничего не осталось. Я просто тихо лежала в постели, то и дело впадая в сладкую, легкую дрему.

Попутешествовав по неплотно задернутым шторам, шалун перебрался на стоящий на прикроватном столике ночник и почти сразу же устремился на стекло, под которым улыбался тремя счастливыми лицами наш семейный снимок.

Нет, вы не подумайте, я не сирота. Вся моя родня жива и здорова, за исключением бабушки и дедушки по линии мамы. Но так уж повелось: дети растут, родители гордятся ими (ну, или мечтают об этом), а старики уходят на покой.

Такие милые фото стоят в комнатах всех членов моей семьи.

Да, хорошо было бы сделать один большой портрет и повесить его в гостиной, но пока это было лишь нашей с мамой мечтой, потому как на деле получалось либо слишком дорого, либо приемлемая цена, а о качестве лучше промолчать.

Понаблюдав еще пару минут за своим светлым гостем, я поднялась и начала прихорашиваться, так как сегодня мой день. Мне, Мелиссе Корнелии Стэнхоуп, исполняется пятнадцать.

Открыв дверцу шкафа, я окинула взглядом висящие там платья, сарафаны и другие наряды.

– Итак, в чем предстать пред нашими друзьями, к которым выдвигаемся после завтрака? – спросила я сама себя или солнечного зайчика, который бесцеремонно хозяйничал в раскрытой шкатулке с побрякушками, стоявшей около того же снимка.

Повертевшись у гардеробной еще какое-то время, я сняла с крючка легкое атласное платье нежно-голубого цвета, под стать моим глазам.

Секунды – и я уже кручусь у зеркала, одергивая чуть присобранную у талии юбку и расправляя изящные оборки на груди.

В дверь тихо, но уверенно постучали, и мягкий с легкой хрипотцой голос заговорил:

– Дочь, вставай. Умывайся, одевайся и выходи к завтраку.

– Скоро буду, папочка, – бросила я, портя свой прикид старым, полинялым халатом, так как слово «умывайся» из головы вылетело по неизвестной мне причине.

Да, наверное, все сразу же решили, что Милли, или, как меня называет Бен, Лис, – неряха и растяпа.

Такими качествами я не отличаюсь. Просто легкое волнение, присущее мне во время разных торжеств, немного портит личность, а в целом я типичный лондонский подросток со своими недостатками, хотя довольно дружелюбный и спокойный.

Окончательно завершив процесс приведения себя в порядок, еще раз бросила взгляд на зеркало, где встретила с отражением, которое мне так не нравилось, хотя остальные во мне души не чаяли.

Ну судите сами: не слишком высокая, стройная (если не брать во внимание пары складочек на ногах, видимых только без одеяния), с темно-каштановыми волосами до плеч, выющимися, как им хочется, и создающими кучу проблем с их укладкой. Лицо? А что о нем говорить? Легкий румянец, пухлые губки, маленький носик... Бр-р-р, давайте перейдем к дальнейшему ходу событий.

Показав язык своему двойнику в зеркале, я вышла в коридор и направилась в спальню родителей, чтобы побрызгаться мамиными французскими духами, издающими аромат свежих чайных роз.

Я была уже почти у цели, как откуда ни возьмись появился Бен.

– С днем рождения, сестрёнка! – крикнул он мне в самое ухо и сунул в руку маленькую коробочку.

– Спасибо, братишка, но подарки будут дарить, скорее всего, когда мы приедем к семье папиного коллеги.

– Ожидание – страшный враг, – отмахнулся брат, улыбаясь и согревая меня теплом своих больших выразительных глаз цвета растопленного шоколада.

Я засмеялась.

– Сходи тогда в мою комнату, поставь на столик, а я сворую у мамы пару капель туалетной воды.

Бен обиженно надул не по-мужски тонкие губы.

– Вот так, и даже не посмотрит. Сестра, называется...
Снова меня накрыл приступ смеха.

– Ладно, ладно, бука. Сейчас гляну, – поднесла подарок брата к глазам и обомлела. – Такие же, как у мамы, – еле слышно выдохнула я. – Но это же сумасшедшие деньги! Маме на них складывались тетя, крестная...

– Ага, и сама королева, – перебил меня Бен, слегка ущипнув за нос. – Лис, опустишь на землю, а то, гляди, улетишь от счастья. А чтобы этот спуск было легче осуществить, я тебе вот что скажу. Это действительно такие же духи, как у нашей мамы, только подделка. Ну, знаешь, другая фирма, не такая брендовая... – он еще что-то говорил, вероятно, оправдываясь, что подарок стоящий и все такое, но я его не слушала, а висела на шее, крепко обнимая и целуя в щеку.

– Сестричка, задушишь, – Бен легонько отстранил меня.

Да, дружба наша была очень крепкой.

Правда, в детстве мы дрались и обвиняли друг друга во всех грехах мира сего, но с возрастом все стало по-другому. Сказать точно, когда мы так сроднились, я не могу, но одно знаю наверняка: что бы ни случилось, я всегда приду брату на помощь, впрочем, как и он мне.

Бен был старше меня на четыре года и уже учился на филологическом факультете, следовательно, получал какие-то деньги.

Хотя что взять со стипендии? Дабы не разорять семейный бюджет, брат хотел устроиться на автомойку. Но, когда папа узнал об этом, у мужчин моей семьи был серьезный разговор, из которого всем стало ясно, что папа против того, чтобы сын занимался тяжёлым трудом, из-за которого наверняка придется пропускать учебу.

Брат согласился с главой семейства, но только отчасти. Мойщиком машин он не стал, зато откликнулся на одно объявление в интернете, в котором семья каких-то беженцев то ли из Ирака, то ли еще откуда-то искала репетитора по английскому для своей дочери. Эти занятия по выходным не приносили Бену большого дохода, но все же дополняли его скромный личный бюджет.

Закинув подарок в комнату, мы, напевая какую-то бессмысленную песенку, двинулись на кухню, откуда доносился аппетитный запах чего-то жареного.

– Гвардия голодных прибыла! – отрапортовал Бен и плюхнулся за широкий обеденный стол.

Надо отметить, что наше жилище было не слишком большим, но уютным. Хотя это может показаться слишком смешным, но кухня была самой огромной по сравнению с остальными четырьмя комнатами, не включая полезные помещения – коридор и ванную.

– Прекрасно выглядишь, Милли, – улыбнулась мне мама, накрывая на стол.

– Мам, ты всегда ей так говоришь, – прочавкал Бен и демонстративно перебросил в мою тарелку ломоть ветчины, давая всем понять, что идея с вегетарианством – это не пустой звон, а его новый образ жизни. – Ведь если ты скажешь иначе – обидишь себя любимую, – дальше последовал смех и резкий, отрывистый кашель подавившегося хохотуна.

Мы с мамой улыбнулись шутке, так как в ней была доля истины.

Все, кто нас знал, говорили, что я – это мини-копия мамы. Но сама я так не считала, ибо мне казалось, что она гораздо красивее и женственнее.

– Так, а голодного моряка к столу не зовут? – в кухню вошел Бен-старший. Точнее, Джордж Бенедикт Стэнхоуп – глава семейства.

Просто если я была мини-копией мамы, то братишка как две капли походил на отца. По-моему, все справедливо, хотя многие утверждают, что должно быть с точностью до наоборот.

– Детишки, набивайте животики. Только чтобы осталось место для еды на пикнике, а то миссис Милл будет ворчать: «Никто ничего не ест, все нужно снова нести домой...»

Грянул залп семейного смеха. Еще бы: как тут сдержаться, когда такой солидный человек пытается хриловатым фальцетом изобразить ворчливый тон жены своего товарища по флоту.

– Ну, животики мы уже набили. Дальше что? – Бен поднялся из-за стола и потянул меня за собой.

Я встала, на ходу дожёвывая тост с сыром.

– Идите выгоните машину из гаража, – папа заговорщически нам подмигнул, – только, Бен, контролируй Мелиссу. Она очень боится руля. Я не желаю снова ремонтировать автомобиль и красить двери гаража.

– Все будет в норме, – сказал брат, когда мы выбегали из кухни.

* * *

Когда мы вышли на улицу, настроение начало стремительно падать.

Жаркое июльское солнце скрылось за тучами, войско которых неумолимо росло.

– Да... По-моему, пикничок под вопросом, – задумчиво протянул брат, открывая замок.

Мы уселись в папин серебристый «Вольво», причем та, что боялась руля, на водительском сидении. Брат сел рядом в качестве инструктора.

– Ну, Лис, заводи.

Все шло как надо, мы медленно выехали из гаража, и тут...

Я, выпучив глаза от страха, ну, или просто от неожиданности, стала жать на все, что под ноги попадалось.

– Что ты творишь?! – брат, резко развернувшись, стал спасать положение, и вскоре машина перестала нестись к фонарному столбу. – Что тебя так напугало? – уже спокойно спросил он, когда мы, придя в себя после маневров, вышли из автомобиля.

– Тётя Фиона, – одними губами прошептала я.

На лице Бена появилось недовольство.

– Чего вы, девчонки, да и вполне солидные дамы, ее боитесь? Старуха как старуха, – он стал озиаться по сторонам, по-видимому, ища предмет моих страхов.

Я последовала его примеру и...

Фиона Брукс стояла возле нашего подъезда.

Действительно, вроде бы обыкновенная старушка, но вот ее внешность...

Наша соседка, живущая этажом ниже, походила на старую сову. Это сходство особенно подчеркивали миндалевидные глаза, цвет которых колебался от темно-карего до глубокого черного. Редкие пряди седых волос были всегда распущены и спадали на сморщенное бледное лицо.

Одевалась Фиона так, как было модно лет пятьдесят назад. Но не в моде было дело. Может, даже и не в её внешности.

От этой женщины веяло чем-то загадочным, даже, не побоюсь этого слова, магическим, что в совокупности отталкивало и нагоняло необъяснимую панику.

Жители нашего дома поговаривали, что миссис Брукс – потомственная ведьма, которая без труда может приворот да отворот состряпать, а то и, чего доброго, в могилу свести.

Хотя сама Фиона вела очень замкнутый образ жизни. Мало кто переступал порог ее квартиры. Но противным или еще каким-нибудь пакостным характером она не отличалась. Все время ходила по двору, что-то бормотала. Правда, кошки бездомные от нее как от огня бегали.

Уловив на себе наши с Беном взгляды, она обернулась и направилась напрямик к нам. Даже в этой хромающей, старческой походке была какая-то сила, не присущая простому человеку.

– Здравствуйте, миссис Брукс, – бесстрашный Бен двинулся вперед, протягивая старушке руку.

Женщина пристально посмотрела на брата. Постепенно ее осознанный взгляд начал затуманиваться, пока практически не потух.

– Бен, ей, кажется, плохо! – воскликнула я, видя, как Фиона оседает на землю, но в этот же момент женщина, тяжело дыша, выпрямилась и, подойдя к брату вплотную, положила костлявые руки на его голову.

Снова немая сцена. Только теперь миссис Брукс и Бен пристально смотрели друг другу в глаза. Создавалось впечатление, будто она хищница, а он загнанная жертва.

Я почувствовала очередной приступ паники, как Фиона, прервав зрительный контакт, тихо сказала:

– Владей. Владей этим, Бенедикт Эльдар Стэнхоуп.

* * *

Мы уже давно выбрались из спального района и ехали по направлению к выезду из Лондона, где в лесном массиве был маленький неприметный поселок, названия которого, наверное, и на карте нет.

Там и жила семья, ожидавшая нашего визита.

Папа с мамой вели тихую непринужденную беседу, а мы с братом молчали.

У меня не выходил из головы случай возле гаража, а также мучил вопрос: чем должен владеть брат?

Бен после вышеописанных событий был неестественно бледен и, склонившись на спинку сидения, тихо дремал.

Помучив себя то так то эдак разными догадками, я последовала его примеру. Усиливавшийся дождь очень способствовал дреме.

* * *

Бен

Странное ощущение, когда ты вроде бы спишь и в то же время прекрасно осознаешь происходящее.

Сбросив с себя это до жути неприятное состояние, похожее больше на какое-то забытье, я выпрямился, чувствуя, как по занемевшей шее мелкими иглами побежала кровь.

Спящая рядом Лис мило улыбалась чему-то или кому-то. Бережно просунув руку ей под голову, я стал смотреть в окно, где вырисовывалась картина «Лес во власти водной стихии».

Вода бурной рекой неслась по узкой дорожке. Деревья, пригнув могучие кроны от давящего потока нескончаемых капель, выглядели слабыми и жалкими.

«Небо, небо, что так плачешь? Что же слез своих не прячешь?» – рифмовались в голове глупые строки.

Вдруг я заметил – или мне показалось, – что наш автомобиль поехал гораздо быстрее, чем прежде.

Я знал, что папа любит скорость, но, по-моему, здесь и сейчас неуместна лихая езда.

– Джордж, прекрати так гнать. Дорога мокрая, – голос мамы был тревожным.

Папа молчал, лишь его пальцы крепче вцепились в руль.

Каким-то чутьем я ощущал, что паническое напряжение в салоне нарастает.

Вот мы вылетели на крутой спуск перед поселком.

– Да тормози же! – крикнула мама, закрывая глаза от ужаса.

– Не могу, – я еле расслышал шепот отца.

– Что?! – кажется, у матери начиналась истерика.

– Лаура, успокойся, держи себя в руках. Не хватало нам перебудить детей и устроить тут вселенскую панику.

Мы неслись вниз, словно сумасшедшие. Пейзаж за окном слился в одну серую массу.

«Господь, если ты есть на белом свете, прошу тебя, сделай так, чтобы Лис не проснулась. Пусть она пройдет этот незаслуженный круг Ада и попадет в твой райский сад, не прочувствовав этой мучительной смерти в автокатастрофе, которая неизбежна», – пронеслось в голове, когда папа обреченно сказал, что тормоза отказали и наш автомобиль, крутясь по всей глинистой дороге, несется к обрыву...

* * *

«И вот мы у цели, на дне оврага. Странно, я могу думать. Значит, я жив. Или все-таки есть жизнь после смерти?»

Я открыл глаза, дабы осмотреться. Ничего. Просто крошечная тьма.

Моим вроде бы чистым разумом стала овладевать паника.

Я попытался сесть. Боль прожгла все тело.

Я стал ощупывать себя и удивляться, так как, кроме ссадин и слегка кровоточащих царапин, ничего не было. Разве что все кости и суставы безумно ломило, наверное, в результате такого удара о землю.

«Вероятно, меня выбросило из машины».

Снова попытка встать. И на этот раз более успешная – я даже стал что-то различать.

От нужной дороги нас занесло вправо, где располагался Зеленый Овраг, как его называли местные жители.

Я медленно начал двигаться по направлению к дороге, по которой мы должны были ехать, надеясь найти кого-то из наших, и...

Взору предстала груда обугленного металла, бывшая ранее серебристым «Вольво».

Сердце больно защемило.

«Нет, нет, нет! Я не поверю, что они все погибли! Мама, папа, Лис... Они тоже где-то здесь...»

Я подошел ближе к останкам машины и остановился как вкопанный. У ног лежало тело Лис. Я наклонился к сестре.

Ей повезло не так, как мне. Голова была разбита, правая рука – неестественно вывернута, но самым страшным было то, что лицо сестры было бледным и безжизненным.

Я бережно поднял ее голову и обмер. Череп был открыт, как простая коробка. Такая травма не совместима с жизнью.

Сомнений не было. Мелисса была мертва.

Я опустился на землю, не заботясь о том, что вся дорожка была в кровавых потеках.

Тяжелая потеря и горькое отчаяние обволакивали все мое естество.

Сжав слегка похолодевшую руку сестры, я громко заговорил, зная, что меня никто не услышит. Я просил, требовал, умолял:

– Лис, сестренка, не бросай меня! Вернись, пожалуйста, вернись! Ты никогда так не поступала! Ты не бросала меня в трудные минуты! Немедленно возвращайся к жизни, слышишь?! Мелисса Корнелия, ты обязана жить! – говоря эту несурязицу, я стал ощущать какое-то чуждое мне до этого дня состояние. Походило оно на медленное погружение в сон или транс.

Звуки, окружающие меня, стали нечеткими, к ним присоединился какой-то шелест, будто кто-то сыпал крупу в деревянную посуду.

Все тело ощущало какой-то холод. Почему-то я знал, что это сети смерти и если не выплесну в этот аркан каплю своей жизненной силы, то сеть окутает меня.

Стало жарко. Этот жар будто бы разгорался внутри и концентрировался в той руке, в которой была зажата ладошка Лис.

Пути смерти ослабли, но стал ослабевать и я.

Наверное, надо было прекратить эту бессмысленную борьбу, но я не мог отпустить руку сестры, которая от жара моей ладони стала теплой, как живая.

Краешком сознания я понимал, что если разорву эту цепь, то потеряю Лис навсегда. Я сжал ладонь сестренки еще сильнее и... потерял сознание...

Глава первая

*Воля – это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой
рассудок говорит тебе, что ты повержен.*
Франсуа де Ларошфуко

Бен

Перечитав то, что было написано мною несколько часов назад, я скомкал лист бумаги и отправил его в корзину, где уже собралась добрая дюжина неудачных черновиков.

– Всё не то, всё какое-то примитивное, безжизненное, – потекли вслух мысли горе-писателя.

Дверь открылась, и в комнату, где я марал бумагу, пытаюсь осуществить мечту детства и юности, заглянула миссис Милл.

– Бен, ты бы перекусил. Я рулет с маком испекла, тётушка Джема молоко парное принесла, – миссис Милл опустила в потёртое, местами в заплатках кожаное кресло.

– Я не голоден, – коротко бросил я и опять взял ручку.

Я чувствовал, что миссис Милл не отводит от меня взгляда тёмно-синих, вечно печальных глаз, и, хоть мне была не по душе такая опека и внимание, не мог ничего возразить.

Со дня той аварии, в которой погибли родители, а сестрёнка... все утверждали, что она тоже мертва, что в больницу они забирали её тело, но я верил, что это не так. Лис жива, я же тогда боролся со смертью. Её смертью. Только вот чем это закончилось, увы, не узнал.

Прошло мучительных три года.

Семья Милл безоговорочно постановила, что сын их лучших друзей будет жить с ними, тем более что своих детей они не имели.

Я был благодарен мистеру и миссис Милл за всё. Они разбавляли одиночество и были мне крепкой опорой после того злополучного дня.

Только вот слишком уж сильно они следили за мной. Каждый шаг не оставался незамеченным ими, и как раз это напрягало.

Кроме того, что я мечтал издать книгу, которую начинал писать вместе с Лис, я хотел заняться расследованием смерти сестры.

Всё показалось мне каким-то странным. Сначала врачи были просто в шоке, говорили, что это какая-то аномалия. Раны сестры затягивались, заживали с невиданной скоростью. А спустя несколько дней тот же доктор сказал, что Лис скончалась от не совместимых с жизнью увечий.

Хоронили сестрёнку в закрытом гробу: какой вид у человека после таких травм и пребывания в коматозном состоянии, сами понимаете, да и к тому же у миссис Милл больное

сердце, а посему попрощаться с родственницей как полагается, а заодно убедиться в том, что это действительно Лис, я не мог. Вот теперь и терзал себя догадками и предположениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.